

Т.В. Та бо ли на

**БЛАГОДАРНОСТЬ УЧИТЕЛЮ
(ПАМЯТИ Ю.В. БРОМЛЕЯ)**

Довольно долго мне доводилось видеть лишь силуэт директора в конце полутемного коридора старого здания института. В то время я постигала тонкости редакционной подготовки рукописей в издательском отделе под руководством Б.Г. Гершкович. После сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру момент утверждения научного руководителя затянулся.

Однажды уже после рабочего дня попала на глаза С.И. Бруку, и он сказал: «Возможно, Вашим научным руководителем станет Ю.В. Бромлей. Пойдемте к нему». Он решительно пресек робкие попытки увильнуть, оттянуть поход к директору и буквально втолкнул меня в его кабинет. Здесь шло обсуждение рукописи. Из всех стоявших вокруг стола взгляд «выхватил» Г.М. Бонгард-Левина. Ну, думаю, откомментирует: «Куда тебя еще занесло?». Он знал, что я посещала занятия по Древнему миру О.И. Севастьяновой (Косвен), виделись мы и у индолога С.И. Тюляева. Наконец, Юлиан Владимирович вскинул на меня глаза, спросил: «Будете заниматься зарубежными концепциями этнических процессов? Как у вас с английским языком?». Повернулся к Бонгард-Левину: «Гриша, как думаешь, получится?». Тот невозмутимо среагировал: «С твоей помощью все получится».

И обо мне на какое-то время все «забыли». Вдруг паника – вызывает Ю.В. Бромлей. Через весь длинный стол он придвинул ко мне толстенную папку и кипу отписок публикаций: «Давно пишет нам Ф. Риггс из США. Посмотрите, может быть это Вам пригодится для историографического обзора. И разберитесь, чего он от нас добивается».

Из переписки стало ясно, что ученым Академии наук СССР предлагалось сотрудничество с ЮНЕСКО, касающееся международного упорядочивания и возможностей унификации терминологии по этнической проблематике. В иностранном отделе нашего института переводили сопроводительные письма Ф. Риггса и готовили краткие ответы Юлиана Владимировича с благодарностью за присланные материалы и пожеланиями дальнейших творческих успехов. Разобравшись, объяснила ситуацию Юлиану Владимировичу. Реакция его была мгновенной: «Вот и подумайте сами, что нужно сделать. Действуйте».

Ф. Риггс писал, что совместную работу предлагается осуществить в рамках одного из проектов ЮНЕСКО, который вел руководитель отдела социальных наук Z. Guelekva. Что-то «крутилось» в голове вокруг этой фамилии, но «не сцеплялось», поскольку полагала, что это иностранец. Начала выяснять, и когда кто-то из сотрудников в Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО в Москве произнес по-русски «Зураб Епифанович Гелеква», все встало на свои места. Работа с ЮНЕСКО сдвинулась с мертвой точки. В то время ситуация была тупиковой – полная невозможность что-нибудь «пробить» через бюрократические и иные препоны, и только Юлиан Владимирович ни разу не высказал сомнения, что дело безнадежное и все равно ничего не получится. Время от времени он говорил: «Подумайте и действуйте».

Он всегда вовремя помогал, выстраивал модель деятельности. На самом первом этапе надо было выступить на «круглом столе» в Джайпуре, который проводился ЮНЕСКО после Международного социологического конгресса в Дели. Как всегда, все определилось в последний момент. Но у нас-то – ужас с оформлением. Единственный вариант был – ехать за свой счет по линии «научного туризма» в Дели, а потом присоединиться к участникам заседания. Конечно, без Юлиана Владимировича этот вариант осуществить было бы просто нереально. В Дели же возможность моего отъезда в Джайпур игнорировали, затем откровенно высмеяли, и началось циничное

измывательство. При этом наиболее рьяной поборницей правил поведения советских людей за рубежом была социолог, которая фактически руководила группой вместе с неким «советником» Президента Академии наук СССР. Попыталась поговорить с ним, но, по-моему, он вообще слово «социология» выучил лишь перед отъездом. Истинного научного руководителя группы – доктора наук – они просто запугали. Он печально разводил руками и говорил, что ничего не решает.

Социолог как «неформальный» руководитель группы начала закипать от моих настоятельных просьб о переезде в Джайпур и со злобой сказала: «Вы действительно не понимаете, что у вас будут неприятности? Вы никуда не поедете». (Теперь мне смешно слушать экспертные оценки одного из агентств по изучению общественного мнения, которое возглавляет эта «руководительница».) Когда вечером накануне вылета в Джайпур прилетел из Парижа Зураб и дозвонился в гостиницу, я объяснила ему ситуацию. Этот внешне всегда выдержанный дипломат был в ярости: «Они срывают нам работу!». В итоге около 22 часов посол СССР в Индии отдал личное распоряжение не чинить препятствий.

В Джайпуре состоялось мое первое «боевое крещение» – выступление на английском языке перед международной аудиторией под запись. Зураб переживал, наверное, не меньше меня, поскольку решались вопросы и о сотрудничестве ЮНЕСКО с советскими учеными, и о финансировании программы по проблемам международной этнической терминологии. После выступления Гелеквва передал мне записку: «Молодец, можешь».

Когда я приехала в Москву, первое, что воскликнул, скорее выдохнул, Юлиан Владимирович: «Наконец-то вы приехали! Все в порядке?». Почему-то ответила: «А вы думали, попросила политического убежища в Индии?». Оказалось, попала в точку. (Потом при каждой моей поездке шутили по этому поводу.) Юлиан Владимирович был человеком осторожным, но в подобных ситуациях очень выручало его природное чувство юмора. Тогда же «доброжелатели» допекали его моими непонятными перемещениями в Индии. Нестандартная ситуация не давала покоя общественной активности и бдительности. Довершил психологическую «обработку» Юлиана Владимировича один из тогдашних сотрудников института, который прибежал к директору и высказал свое самое «яркое» впечатление от конгресса: «А Таболина осталась в Индии. Она не вернется».

Еще предстояла долгая, кропотливая работа по выстраиванию отношений с отделом социальных наук ЮНЕСКО. В итоге благодаря Ю.В. Бромлею и З.Е. Гелекве был осуществлен прорыв в отношении возможностей конструктивного сотрудничества с учеными из СССР. Когда не стало этих людей, так называемая координация деятельности с ЮНЕСКО стала меня тяготить: слишком много времени уходило на переписку с чиновниками Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. В каждой структуре можно более или менее продуктивно работать только с первым и/или вторым лицом, мелочная же регламентация действий со стороны нового директора убила желание что-либо делать от души, и постепенно все само собой сошло на нет. Уже было неважно, кто и как продолжит работу. Открылись и новые возможности. Сотрудничество института и ЮНЕСКО стало просто делом техники.

Юлиан Владимирович удивительно быстро улавливал суть человека, направление его интересов и, исходя из этого, очень четко распределил функции сотрудников в секторе общих проблем, которым руководил. Он стремился сочетать в работе прагматичные потребности и наклонности людей, чтобы дополнительные обязанности не были им в тягость. Например, ученым секретарем сектора сразу же была назначена Марина Мартынова, что упорядочило наше пребывание на месте в нужное время. Для меня четкость оповещения об очередном заседании, его повестка были особенно важны. Прекрасно, что никогда не возникало проблем с выписками, датами протоколов и т.д. Порой оказывалось, что самым дисциплинированным был наш завсектором. Юлиан Владимирович очень ответственно относился к проведению заседаний. Он очень щадил нас, и если не мог быть вовремя, обязательно уведомлял

об этом Марину, хотя теоретически в присутственные дни все должны были быть на местах. На заседаниях сектора Юлиан Владимирович обсуждал свои статьи и главы из книг. Он внимательно выслушивал комментарии каждого, хотя не думаю, что замечания недавних студентов были ему столь уж необходимы.

Подбором литературы в ИНИОНе и Ленинской библиотеке занималась Татьяна Коваль. Впоследствии, учитывая художественные наклонности Татьяны, то, что она хорошо разбирается в искусстве, Юлиан Владимирович поручил ей подбирать иллюстрации для книги «Создано человечеством». При этом он всегда внимательно выслушивал объяснения, по какому принципу предлагалась та или иная иллюстрация. Один сотрудник у нас оживлялся только тогда, когда речь заходила об организации общественной работы. От него мы с интересом узнавали о мероприятиях, субботниках, кампаниях по учету избирателей, которые «надвигались» на институт. Заместителем заведующего сектором был Н.Б. Тер-Акопян – чудный, добрейший человек, который не только правил мои первые статьи, но и разъяснял непонятное, терпеливо отвечал на множество вопросов, за что я ему очень благодарна.

Довелось наблюдать и то, как сверхответственно относился Юлиан Владимирович к работе с редактором из издательства «Наука». Он всегда тщательнейшим образом сам читал верстку. В чистые листы тогда можно было вносить только компенсаторную правку, правил же Ю.В. Бромлей до последней минуты. Редактор боялась особенно перечить ему, но каждый раз была близка к истерике. Битва шла за каждую строчку – и так по каждой главе. Юлиан Владимирович почти никогда не соглашался убирать правку. Он сидел и упорно придумывал, как исправить абзац, добавить фразу, чтобы совпало число знаков. После того как я однажды «отловила» ошибку после редактора, как-то незаметно оказалось, что мне приходится читать все верстки. Однажды очень деликатно Юлиан Владимирович попросил составить предметный указатель для книги «Очерки теории этноса». При этом начал издавека, рассказав, что такую же работу он делал для академика Б.А. Грекова, что этот навык очень пригодится в будущем и вообще будет считаться публикацией. Я отмахнулась от этой формальности, но в сноску к готовому указателю он своей рукой вписал мою фамилию как составителя.

Когда мне предстояло пройти первую переаттестацию, Юлиан Владимирович попросил меня подготовить документы на должность научного сотрудника. С формальной стороны все было в порядке – уже вышла книга «Этническая проблематика в современной американской науке». Тем не менее в воздухе сгушалась какая-то нервозность. Не хотелось, чтобы дергали на Аттестационной комиссии, в то же время я не смела особенно возражать, когда Ю.В. Бромлей объявлял о том или ином своем решении. Но тут возрпала: «Можно оставить как есть? Какая разница?». Юлиан Владимирович не стал ничего объяснять. Помолчал и неспешно произнес: «Потом... вам ничего не дадут...».

Особый сюжет – общественная работа. Тут я постоянно попадала впросак, поскольку не имела склонности тратить время на бессмысленную, на мой взгляд, деятельность. «Добила» необходимость по разнарядке сидеть весь день в каком-то «красном уголке». Все-таки отбывала там честно. Однако в момент, когда активисты пришли с проверкой, меня на месте не оказалось. Юлиану Владимировичу доложили. К счастью, он никогда не фарисействовал, просто между делом заметил: «Вы уж как-то уладьте с ними». И я решила уладить по максимуму, чтобы подольше никуда не привлекали.

Как раз по плану в институте должен был состояться вечер отдыха, но что-то не заладилось. Наш культработник З.А. Листвинова восприняла это как личную трагедию, я пообещала ликвидировать «прорыв» и провести вечер о Москве. Показана была полная хроника взрыва Храма Христа Спасителя из моего архива. Тогда кадры из этого фильма еще не мелькали на ТВ. Выступили прекрасные знатоки Москвы профессор А.С. Трофимов и художник А.А. Артемьев (один из реставраторов Церкви Вознесения), которые готовили документацию для властных структур, пытаясь в 1971–1972 гг. приостановить снос ампириных особняков как «ветхого фонда».

Демонстрировались слайды и оригиналы реконструкций Москвы М. Кудрявцева (изданные после его смерти и ставшие уже классикой).

Вечер получился информативно насыщенным, но при этом преобладали малоизвестные факты и непривычные трактовки. Потом о реставраторе П.Д. Барановском, Генплане реконструкции Москвы 1935 г. спрашивали Л.Е. Куббель и Ю. В. Бромлей. Им было интересно.

В следующий же присутственный день секретарь парторганизации обрушила на меня лавину претензий. Из всего запомнилось только: «Не думайте, что если ваш отец академик, вы будете устанавливать в институте свои законы. Мы вам этого не позволим». Так закончилась моя общественная работа. Все дальнейшие претензии не имели значения. Больше меня заставить что-либо делать было уже невозможно. Юлиан Владимирович, конечно, был в курсе всех этих промахов. Помогало его молчаливое невмешательство, а порой подтрунивание над той или иной ситуацией.

Частенько я читала «не те» книги – так повелось в семье. По возможности из всех поездок привозила литературу, которая потом стала откровением и печаталась в «перестроечных» толстых журналах. Юлиан Владимирович всегда «вспоминал» об этом тогда, когда ему нужно было прочитать первоисточник. Как-то упомянула «Окаянные дни» И.А. Бунина. Пришлось принести прочитать. Не знаю, когда он успевал, но подобные книги прочитывал немедленно.

Когда начался «бум» толстых журналов, Юлиан Владимирович из-за вечной очереди не мог вовремя получить в библиотеке нужный выпуск. Как-то попросил принести из дома журнал «Дружба народов», в котором была рубрика по национальным вопросам. Впоследствии, если срочно требовалась какая-то статья, он сначала выяснял, не выписываю ли я случайно тот или иной журнал. Обменивались мы литературой постоянно.

Юлиан Владимирович знал, что я нашла упоминание журнала «Ethnicity», но никак не могла получить его по МБА в Ленинской библиотеке, хотя другие издания приходили относительно исправно. Каждый исследователь поймет, как мучительно, когда не можешь сразу прочитать заинтересовавшую работу. Однажды после приезда из Лондона Юлиан Владимирович попросил зайти. На столе высилась куча журналов. Юлиан Владимирович спросил: «Этого вам пока будет достаточно? Берите все». Он прекрасно понимал, какой сказочный это был подарок. Попросил только: «Не исчезайте очень надолго. Сделайте и мне обзор».

После защиты кандидатской диссертации мне неоднократно говорили: «Теперь вам надо решать вопрос о вступлении в партию». Как раз в это время в институт поступила соответствующая разрядка. Помню свой ужас, стремление избежать разговора на эту тему. Очень ценю деликатность Юлиана Владимировича, который не стал «ломать» меня. Я вздохнула спокойно – до сих пор помню, какое ощущение легкости тогда возникло.

Каждый приход Юлиана Владимировича в институт был праздником. Нагружать он умел, но было интересно, поэтому нагрузка не ощущалась как тяжелое бремя. Главное, у него были увлеченность и прекрасное чувство юмора.

Как-то Юлиан Владимирович взял фрагмент моей рукописи «Этничность в США» в больницу. Потом позвонил и попросил принести продолжение: «Это интересно». Мы хотели издать книгу в научно-популярной серии издательства «Наука». Но потом... это никому не было нужно, а вторая книга подряд – считалось чересчур. Мне же не хотелось тратить время на «пробивание».

Он научил думать, не бояться принимать собственные нестандартные решения, идущие порой вразрез с тем, что «принято» или «не принято». Все это пригодилось – например, когда надо было придумать, в какой приемлемой для меня форме возможно сотрудничество с созданным в 1996 г. Главным управлением казачьих войск (ГУКВ) при Президенте Российской Федерации. Думала до последнего момента; когда тянуть уже было нельзя, предложила издавать Информационно-аналитический бюллетень на базе Общественной приемной ГУКВ. Главное, чтобы люди работали не в стенах

зданий на Старой площади. Опять пошли доносы, докладные, целью которых было разрушение, а не дело. Все-таки исключительно благодаря заместителю начальника и начальнику информационного отдела ГУКВ С.Е. Донцову был создан Информационно-аналитический центр по казачеству, который постепенно рос. Теперь создается Центр русской и казачьей культуры.

Если у меня что-то легко получалось – это благодаря моему учителю Ю.В. Бромлею. Если что-то удастся понемногу делать в этой жизни, убеждена – импульс идет оттуда, от того прекрасного времени работы с Юлианом Владимировичем.

Когда Юлиана Владимировича не стало, мне говорили: «Вам теперь будет трудно». Кто-то наблюдал: «Как-то теперь она будет работать?»* Без таких людей, как Юлиан Владимирович, всегда трудно. Я понимала, что это подарок судьбы – возможность учиться у такого человека, наблюдать, как мудро он выходит из сложнейших ситуаций (в том числе связанных с выездами сотрудников на постоянное жительство за рубеж). Никогда не унижал, не уничтожал своим величием, не унижал работы молодых.

Тогда не думалось, что придется менять направление исследований, заниматься организационной работой. Всегда появлялись люди, которые поддерживали. Благодаря помощи и пониманию сотрудников нашего института самых разных взглядов и исследовательских интересов была возможность заниматься такой сложной и неоднозначной темой, как современное казачество*.

Сейчас трудное и прекрасное для ученого время. В жизни мне рано посчастливилось встретить многих ярких неординарных людей. Поэтому осознанно ценила возможность работать с таким удивительным интеллигентным человеком, каким был Юлиан Владимирович. Не верилось только, что так мало будет ему отпущено.

Вероятно, опять предстоит принимать решение. Возможно, вернуться к сюжетам, обсуждавшимся еще с Юлианом Владимировичем.

T. V. T a b o l i n a. Gratefulness to the teacher (in memory of Yu.V. Bromley)

The article is devoted to the memory of Academician Yu.V. Bromley. It cites some not well known facts of the style of work of the Director of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences and Head of the Sector of General Problems. The article reconstructs the atmosphere of benevolence and attention in Yulian Vladimirovich Bromley's attitude to the studies of post-graduate students and starting up scholars.

* Именно Ю.В.Бромлей познакомил меня с удивительным человеком, художником и собирателем Н.Н. Миштушкиным – потомком терских казаков, живущим в Океании. Это знакомство переросло в многолетнюю дружбу. В одном из последних телефонных разговоров я сообщила Н.Н. Миштушкину о готовящихся в журнале «Этнографическое обозрение» публикациях, посвященных памяти Ю.В. Бромлея. Немедленно пришел факс с воспоминаниями Николая Николаевича, которые помещены ниже.